

САНКЦИИ И КОНТРСАНКЦИИ: ВИД СЛЕВА

(о коллективных монографиях под ред. Р.М. Нуреева: 1) **Экономические санкции против России: ожидания и реальность. М.: КНОРУС, 2017;**
2) **Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации. М.: КНОРУС, 2018)**

Петр Александрович ОРЕХОВСКИЙ,

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИЭ РАН,
профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия,
e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Рецензируемые работы двух коллективов авторов под руководством Р. М. Нуреева посвящены теме экономических санкций против России и отечественных контрсанкций. Эти работы очень разные: первая представляет собой концептуальную критику российской экономической политики и сложившегося миропорядка, вторая посвящена оценке эффективности санкций как против России в целом, так и ее отдельных секторов.

В основе «Ожиданий и реальности» лежит мир-системный подход И. Валлерстайна, при котором российская экономика оказывается вписанной в «полупериферию» и эксплуатируется странами мирового «ядра». Последние в качестве получателя выгод заинтересованы в сохранении сырьевой ориентации российской экономики. Логичным ответом со стороны стран полупериферии должен быть протекционизм и импортозамещение. Присоединение России к ВТО и либерализация торговли имели место под давлением мировых финансовых корпораций. Нынешние санкции и разрыв сложившихся связей доказывают ошибочность политики фритредерства, которую проводили отечественные власти.

Работа «Издержки и выгоды» использует позитивистский подход, в ней нет нормативной модели идеально функционирующей экономики. Здесь представлен большой список правительственных мероприятий, характеризующих усилия по импортозамещению, дан анализ предварительных итогов предпринимаемых мер экономической политики. Особый интерес представляет исследование функционирования секторов, оказавшихся «под санкциями и контрсанкциями»: нефтегазового, оборонного, банковского, агропромышленного. Последствия вспыхнувшей «торговой войны» противоречивы: часть российских предприятий успешно развивается, а для других, использовавших импортные технологии и комплектующие, наступили тяжелые времена.

Представленные работы ярко характеризуют сложившиеся дискурсы отечественной экономической науки и представляют большой интерес как с

точки зрения оценок причин и последствий санкций, так и способов описания действительности. Хорошим тоном считается критика действий российского правительства с позиций экономического дирижизма и социального государства. При этом игнорируются имеющиеся в отечественной экономике диспропорции между ростом доходов и производительностью труда.

Ключевые слова: экономические санкции; протекционизм; левый дискурс; экономический рост

SANCTIONS AND COUNTERS: THE VIEW OF THE LEFT

Petr A. OREKHOVSKY,

Doctor Habilitatus in Economics, Professor,
Chief Research Fellow,

Institute of Economics of the Russian Academy of sciences,
Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

The article is an overview two books devoted on economic sanctions. Both books were edited by the famous Russian economist R. M. Nureev. These works are very different: the first is a conceptual criticism of Russian economic policy and the current world order, the second is devoted to evaluation of the effectiveness sanctions both against Russia in general and its individual sectors.

At the base of the «Expectations and Reality» lies the world-system approach of I. Wallerstein, in which the Russian economy appears to be inscribed in the «semi-periphery» and is exploited by the countries of the world's «core». Countries of the West as a recipient of benefits are interested in preserving the raw orientation of the Russian economy. A logical response from the semi-periphery countries should be protectionism and import substitution. Russia's entrance to the WTO and trade liberalization took place under the pressure of global financial corporations. The current sanctions and the breaking of the existing ties prove the falsity of the policy of free trade conducted by the Russian governments. The work «Costs and Benefits» uses a positivistic treatment, there is not a normative model of an ideally functioning economy. It presents a large list of government measures characterizing the efforts to import substitution, an analysis of the preliminary results of the economic policy measures taken. Of particular interest is the study of the functioning of sectors that have been «under sanctions and counter-sanctions»: oil and gas, defense, banking, agro-industrial sectors. The consequences of the outbreak of the «trade war» are contradictory: some Russian enterprises are developing successfully, but for others, using imported technologies and components, hard times have come.

The presented works vividly characterize the existing discourses of the domestic economic science and are of great interest both from the point of view of evaluations of the causes and consequences of sanctions, as well as ways of describing reality. A good tone is the criticism of the actions of the Russian government from the standpoint of economic dirigisme and the social state. At the same time, disproportions between income growth and labor productivity in the domestic economy are ignored.

Keywords: economic sanctions; protectionism; leftist discourse; economic growth

JEL classification: F13, F51, F52

Поворот от глобализации и связанной с ней доктрины оптимистичного фритредерства к протекционизму и неомеркантилизму, который произошел в последние пять лет, был неожиданным и для теоретиков, и для акторов мировой экономической политики. Конечно, «задним числом» теперь можно найти работы, в которых говорилось о грядущих переломных событиях. Так, Дж. Стиглиц указывал на настораживающие симптомы, которые появились еще в конце 1990-х гг., после восточноазиатского кризиса и российского кризиса (Стиглиц, 2003), про «войну цивилизаций» еще раньше написал Дж. Хантингтон (2007) (заметим, что эта работа была встречена враждебнее, чем книга Стиглица). Тем не менее в политико-экономическом мейнстриме доминировал позитивный взгляд на общее будущее, где либерализация торговли и налогового режима, отказ от авторитаризма в пользу укрепления демократии и рост народного благосостояния представлялись взаимозависимыми и взаимоусиливающими друг друга трендами. Из переведенных на русский язык работ отметим, например, (Спенс, 2013; Ханна, 2010; Фукуяма, 2004).

Необходимым инструментом меркантилистской политики под названием «разори соседа» являются санкции и разного рода исключительные меры. Для недопущения подобного рода «торговых войн» и создавалось в свое время ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), преобразовавшееся впоследствии в ВТО. Тем не менее эти инструменты политики никогда не уходили в прошлое, примером чего является политика США и других богатых стран в отношении СССР, Кубы, КНДР, режима апартеида в ЮАР, Ирака, Ирана... Необходимость подобных мероприятий обосновывалась идеологическими причинами. Не исключение и новый виток принятия многочисленных санкций: поводом стало воссоединение Крыма с Россией. Новым же здесь является то, что попыткой превратить нашу страну в «мирового изгоя» дело не закончилось, введение исключительных тарифов и санкций продолжается и в отношении Китая, и Мексики, и теперь даже между ЕС и США.

Сразу оговоримся, что авторы рассматриваемых монографий не ставили перед собой цели охарактеризовать изменившийся ландшафт глобальной торговли, потоков капитала и миграции. В книгах под редакцией профессора Р. М. Нуреева дается анализ сравнительно небольшого сюжета санкций против России и ответных контрсанкций.

Две эти монографии – очень разные, что объясняется и различиями в авторском коллективе, и тем, что вторая работа была написана примерно год спустя после первой. Тем не менее причина их появления – разрыв прежних отношений России с богатым Западом и спад отечественной экономики в 2015–2016 гг. Работа 2018 г. выполнена в рамках государственного задания Финансового университета, ее отличает прагматичность и сдержанный тон по отношению к предпринимаемым правительством РФ мерам экономической политики. Напротив, монография 2017 г. представляет интерес для читателя как своеобразный идеологический образец критики официального курса «слева».

Взгляд из 2017 г.: «Ожидания и реальность»

В главе «1. Причины и содержание экономических санкций» приводится перечень санкций, дается краткий обзор влияния санкций на нефтяную и газовую отрасли России. Здесь же в параграфе «1.4. Глобальная конкуренция и антироссийские санкции», подготовленном д.э.н., профессором С. С. Слепаковым, заявлена жесткая позиция авторов книги: «Деструкция как способ воздействия наиболее адекватно выражает характер конкурентной политики, реализуемой глобальным центром. В его арсенале присутствуют и активно применяются в отношении государств-конкурентов в любой точке мира (долларового пространства) такие инструменты и механизмы внешнего экономического и политического воздействия, как: ...деструктивный консалтинг с насаждением профессионально подготовленного менеджмента, реализующего в переходных экономиках под видом (симулякры) рыночно-демократических реформ де-

структивные программы развития; организация и нагнетание на территориях и объектах, принадлежащих конкурентам, конфликтных ситуаций...

Любыми средствами, как правило, под видом симулякров защиты прав человека и демократических ценностей, глобальный центр фактически реализует определяющий принцип – *достижение собственного конкурентного преимущества*» (Нуреев, 2017, с. 24–25) (курсив автора. – П.О.).

Период радикальных реформ 1990-х гг. характеризуется вполне однозначно – это разрушение российского государства: «В пореформенный период (с начала 90-х гг. прошлого века) путь к разрушению российского общества и государственности мыслился через деструкцию ее национальной экономики и традиционных ценностей. В результате внедрения с начала 1990-х деструктивных институтов и моделей развития (курсив автора. – П.О.), соответствующих принципам Вашингтонского консенсуса; приватизации и акционирования крупнейших государственных монополий; ликвидации ведущих отраслей обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, системы профобразования и пр., был причинен существенный ущерб ресурсам жизнедеятельности и национальной безопасности России» (Нуреев, 2017, с. 26–27).

Если исходить из таких оценок 1990-х гг., а также механизма взаимодействия России и богатого Запада, то следующий вывод уже не кажется удивительным: «Современной России, превращенной в территорию бизнеса российской бюрократии, государственных корпораций и олигархата, необходимо сильное государство:

- избавленное от псевдолиберального бремени («рынка», реализующего интересы государственной бюрократии и олигархов);
- ориентированное на внедрение в России качественно новой модели хозяйственного развития и прекращение опоры на экспорт сырья и энергоносителей;
- ...повышающее значимость малого и среднего бизнеса в народнохозяйственной структуре» (Нуреев, 2017, с. 30).

Это, конечно, уже не про санкции. Если читать дословно, получается, что «современной России» нужно «государство». Однако Россия – и так государство, получается, что ей нужно «другое государство», с вышеуказанными признаками, т.е. нужна революция (радикальная реформа?), которая бы обеспечила указанную смену. Но кто адресат этого пафосного призыва? Государство (российская бюрократия) менять само себя не может. Неужели это глобальный центр должен провести очередную деструкцию? Причем с помощью «точечных санкций», поскольку «в ООН вполне справедливо признана и подтверждена нецелесообразность применения жестких и всеобъемлющих санкций в отношении авторитарных режимов..., поскольку в таких режимах население не может влиять на государственную власть... Альтернативой “всеобщим” служит практика применения “точечных санкций” в отношении правящей элиты, военного руководства, а также разного рода эмбарго на поставку объектов, которые не используются населением в повседневных или любых других мирных целях» (Нуреев, 2017, с. 27).

Отсюда следует неожиданный вывод – санкции-то России полезны, так как они помогают изменить режим. Что же, как ни странно, но в этом отношении позиции автора совпадают с позицией Запада. Парадокс, выраженный крылатой фразой Мао Цзедунга: «Чем хуже, тем лучше».

Впрочем, позиции авторов других глав работы заставляют усомниться в полезности временного ухудшения экономического положения для последующего роста эффективности. Так, в главе «2. **Обострение экономических проблем России**» и, в частности, параграфе «2.4. Несанкционированные последствия плавающего валютного курса для России» д.э.н., профессор А. В. Кузнецов характеризует последствия «заниженной покупательной способности рубля по отношению к доллару.

Во-первых, как экспортер сырьевых товаров (в первую очередь нефти и газа), оплата которых на мировом рынке производится в долларах, Россия недополучает валютную выручку в кратном размере. Данная ситуация выгодна западным ТНК, в пер-

вую очередь американским. Тем самым уменьшается приток краткосрочных средств на внутренний рынок (усугубляется проблема неликвидности).

Во-вторых, иностранные экспортеры капитала, инвестирующие в долларах, получают возможность приобретать российские предприятия и прочие активы по ценам, которые в несколько раз ниже цен, определяемых на основе ППС. Тем самым уменьшается приток долгосрочных средств на внутренний рынок (усугубляется проблема финансовой неустойчивости).

В-третьих, цены на товары, которые экспортирует Россия, на внутреннем рынке равны их долларовой цене, пересчитанной в рубли не по ППС, а по фактическому валютному курсу. Это означает, что в самой России население и компании в несколько раз переплачивают за товары и услуги, в которых преобладают сырьевые издержки (бензин, минеральные удобрения, коммунальные услуги, продовольственные товары). В итоге снижение реальной покупательной способности ведет к увеличению спроса на потребительские кредиты и, как следствие, вызывает рост краткосрочной задолженности, повышая риски неликвидности» (Нуреев, 2017, с. 40–41).

В мейнстриме экономической теории обычно считается, что реальное обесценение отечественной валюты способствует росту экспорта, привлечению иностранных инвестиций, повышению конкурентоспособности страны. Все ровно наоборот – «заниженная покупательная способность рубля» способствует повышению ликвидности и финансовой устойчивости отечественного бизнеса. Того же мнения придерживаются и практики, например, Р. Шарма из крупной инвестиционной компании Morgan Stanley (Шарма, 2018, с. 342–384).

Отчасти можно согласиться только с третьим пунктом: снижение курса отечественной валюты способствует росту цен на импортные товары и услуги. Однако коммунальные услуги относятся к категории неторгуемых на мировом рынке, да и бензин в России вроде бы пока еще отечественного производства.

Таким образом, параграф 2.4. подводит читателя к мысли, что западные санкции наряду с падением цен на нефть и, как следствие, снижением курса отечественной валюты нанесли большой вред российской экономике. Однако в параграфе «2.5. Влияние санкций Запада на развитие периферийного капитализма в России», написанном к.э.н. Д. П. Соколовым, читаем следующее: «Экономические санкции со стороны стран Запада – центра глобальной экономической системы – и провозглашенная в связи с ними политика импортозамещения выступают противоречием по отношению к логике взаимодействия центра и периферии. В связи с этим можно выделить три принципиальных варианта развития периферийной зависимости:

- 1) сохранение «статуса-кво»;
- 2) изменение вектора периферийных отношений: смещение потоков миросистемной ренты со стран глобального центра в сторону центров региональных систем разделения труда;

- 3) перенаправление миросистемной ренты на развитие национальной экономики и уход от периферийной зависимости за счет большей глубины переработки сырья внутри страны» (Нуреев, 2017, с. 47).

В общем, получается, что санкции в лучшем случае не вредят интересам богатых стран («сохраняется статус-кво»). Однако более вероятным (два из трех исходов) является то, что мир-система будет меняться, причем в пользу относительно бедных стран и новых региональных центров. Неожиданное продолжение дискурса «чем хуже, тем лучше». И уже не приходится удивляться следующему выводу автора: «Следовательно, исходя из национальных интересов, капиталистическая частная собственность не должна являться основным способом производства в социально-экономической системе России (хотя и может наличествовать в качестве дополнительного). Прогресс в развитии периферийного капитализма возможен только в направлении ликвидации зависимости от капиталистического центра» (Нуреев, 2017, с. 53).

В главе «3. Политика Банка России в условиях экономических санкций: шаг вперед или два шага назад» авторы приходят к следующему выводу: «политика Банка России (свободное плавание курса и резкое увеличение ключевой ставки) оказала негативное воздействие с точки зрения инвестиций (которые помимо прочего подвержены влиянию западных санкций по сравнению с политикой поддержания курса рубля. Как шоки процентной ставки, так и скачки курса ускорили инфляцию» (Нуреев, 2017, с. 69–70). Этот вывод подтверждается расчетами по эконометрической модели (VECM).

Конечно, резкое увеличение ключевой ставки сокращает инвестиции, и в коротком периоде, учитывая, в частности, дефицит мощностей для импортозамещения, может привести к скачку инфляции. Это и имело место. Однако авторы обходят стороной любопытный вопрос о том, может ли малая открытая экономика удержать заданный курс в условиях атаки на отечественную валюту как со стороны отечественных, так и мировых валютных спекулянтов? Ведь фиксация курса может привести к тому же взлету процентной ставки, но только уже в условиях истощения золотовалютных резервов и последующего дефолта по сравнительно небольшому государственному долгу. Понятно, что с позиции денежных властей страны это не самая приятная альтернатива. Расчеты Е. Гурвича и И. Прилепского также показывают, что возникли *«значительные адаптационные возможности российской экономики благодаря введению плавающего курса рубля»* (курсив авторов. – П.О). Согласно нашим расчетам, суммарные за 2014–2017 гг. потери чистого притока капитала из-за санкций составляют 8% ВВП 2013 г. (при низких ценах на нефть), а накопленные потери ВВП (суммарная разница выпуска в 2014–2017 гг. между сценариями Ш и ШС) оцениваются на уровне 6 п.п. ВВП 2013 г.» (Гурвич, Прилепский, 2016, с. 34).

В главе «4. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России» рассматриваются потери реальных доходов населения. Можно было бы обсуждать этот вопрос в либеральном дискурсе, которого придерживается, например, А. П. Заостровцев, проводящий параллели между 1913–1914 и 2013–2014 гг. и приводящий результаты опроса Левада-Центра: «присоединение Крыма требует от России очень значительных вложений и инвестиций, бремя которых ложится и на обычных граждан страны в виде ограничения роста зарплат и пенсий, сокращения расходов на образование и здравоохранение, роста цен и т.п. В какой мере Вы лично готовы платить такую цену за присоединение Крыма?» (доля тех, кто был совершенно не готов платить, увеличилась с 19% в марте 2014 г. до 30% в марте 2016 г.) (Травин, Гельман & Заостровцев, 2018, с. 228). Но левый дискурс авторов мешает им обсуждать цену Крыма и Сирии, они ограничиваются констатацией падения реальных доходов. По умолчанию предполагается, что национально ориентированное правительство могло бы этого не допустить. Неожиданным выглядит пассаж о росте цен на смартфоны: «Рост цен на электронные товары компании Apple привел к парадоксу Гиффена в конце 2014 г., чем выше цена, тем больше объем продаж. Несмотря на стремительный рост цен на продукцию компании (цена на продукцию Apple 25 ноября выросла на 25%, 22 декабря еще на 35%), рост объемов продаж составил 80%. Это связано с тем, что российские потребители боялись еще большего подорожания товара и опасались потерять товар, который стал для многих из них предметом первой необходимости» (Нуреев, 2017, с. 77–78).

Вообще говоря, парадокс Гиффена был связан с ростом цен на картофель, расходы на который занимал основное место в потребительских бюджетах ирландцев в первой половине XIX в. Смартфоны и планшеты Apple – предметы статусного потребления, подчеркивающие социальное положение обладателя этих гаджетов в России. В таком случае было бы логичнее говорить об эффекте Веблена. Но левый дискурс предполагает в первую очередь защиту бедных, куда, по мнению авторов, попали и российские потребители продукции Apple.

В главе «5. Импортозамещение vs экспортоориентированная экономика» рассматривается выбор общей модели развития российской экономики. Поскольку речь

идет о сознательном, рациональном выборе, постольку логичной представляется необходимость описания критериев и цели такого выбора. В параграфе «5.1. *Анализ подходов к формированию промышленной политики, или крах либерализма*» (автор – д.э.н., профессор А. О. Блинов) характеризуются принципы, по которым необходимо проводить аудит промышленного потенциала, и отстаивается необходимость перехода к дирижистской, активистской экономической политике. В соответствии с этим подходом если есть какая-то проблема, то необходимо создать орган, отвечающий за ее решение, «представляется целесообразным создание агентства технологического развития с возложением на него функций разработчика и организатора реализации национальной программы технологической модернизации России» (Нуреев, 2017, с. 95). Заметим, что эффективность деятельности уже существующего агентства стратегических инициатив не рассматривается.

Дирижистский дискурс предполагает, что «меры технологической модернизации требуют сопряжения с изменениями в социально-политической системе. Общество должно быть соответствующим образом организовано, а силы модернизации приобрести в нем большой политический вес и предлагать вдохновляющий образ будущего» (Нуреев, 2017, с. 96). Россия в очередной раз оказалась на переломном этапе: «Вопрос для российской экономики остается открытым: будет ли она развиваться как сырьевой придаток мирового сообщества или как технологически развитая экономика, примером которой может служить экономика США» (Нуреев, 2017, с. 97).

Конечно, хотелось бы стать «технологически развитой экономикой», но что-то нам пока мешает это сделать. В параграфе «5.2. *Необходимость реформатирования структуры национальной экономики в современных условиях*» (автор к.э.н., доцент Е. А. Степин) указывается: «существуют обстоятельства, которые непосредственно определяют направление социально-экономического развития в целом. Среди этих обстоятельств наиболее существенным является отсутствие общенациональной цели у создаваемой экономической системы. Наличие такой цели позволило бы уже сейчас создать модель будущего структуры экономики России» (Нуреев, 2017, с. 106).

Кажется, дело осталось за малым: получается, что достаточно поставить цель перехода к «технологически развитой экономике», и процесс пойдет. Но не так все просто. В разделе «5.3. *Новые санкции, или ВТО предали забвению?*» (д.э.н., профессор М. Л. Альпидовская) указывается, что «вопреки мнению российской общественности... Россия стала членом ВТО» (Нуреев, 2017, с. 109), и рассматриваются многочисленные потери нашей страны от членства в этой организации. Далее автор ставит уже не столько экономическую, сколько политическую проблему: «Возникает вопрос, под давлением каких групп влияния было принято генеральное соглашение по торговле услугами и чей экономический интерес выступает здесь на первый план? Ответ прост – под прессингом западной индустрии финансовых услуг» (Нуреев, 2017, с. 118). Такой ответ, очевидно, предполагает наличие в России коллаборантов, проводящих в жизнь западные интересы. Они-то и мешают и постановке цели, и указанному переходу, заставляя нашу страну оставаться «сырьевым придатком». Отсюда следует логичный переход к главе «6. **Экономическая безопасность и проблемы устойчивого развития России**».

Анализ, проделанный авторами в этой главе (д.э.н., профессор Л. А. Карасева, д.э.н., профессор О. В. Данилова), показывает, что вражеские социальные группы весьма многочисленны: «в коррупции заинтересованы широкие и влиятельные силы социума, в пользу которых и происходит серьезное перераспределение общественного богатства через коррупционные схемы. Для таких чиновников коррупция стала тем инструментом, который помогает им выживать в качестве привилегированного слоя, принадлежность к которому стала смыслом общественного бытия» (Нуреев, 2017, с. 128). С другой стороны, не все так плохо, если реализовывать схему социального партнерства органов власти, бизнеса и общественных организаций. Такое партнерство должно быть основано на следующих принципах:

- «– бизнес получает “особые условия”: ряд льгот...;
- бизнес, в свою очередь, отказывается от борьбы за власть. Речь идет не просто об отказе корпоративного бизнеса от претензий в борьбе за контроль над всеми региональными структурами власти, но, и это важно, об эффективной поддержке согласованной модели власти в регионе;
- условием согласованной политики бизнеса и власти может быть только эффективный бизнес...;
- совместная разработка комплексных программ социально-экономического развития региона. Бизнес-структуры при выборе стратегии ведения бизнеса должны четко осознавать цели и задачи развития региона» (Нуреев, 2017, с. 134).

Вспоминая советский опыт, на наш взгляд, сюда бы следовало добавить организацию парткомов правящей партии в организациях «эффективного бизнеса». Их освобожденные секретари должны были бы регулярно отчитываться перед региональными властями о том, насколько бизнесмены соблюдают условия такого социального партнерства.

Заключает книгу глава «7. **Вместо заключения: “Что день грядущий нам готовит?”**» с пессимистическим и оптимистическим прогнозами (д.э.н., профессора Р. М. Нуреев, П. К. Петраков). Пессимистический прогноз исходит из ужесточения санкций, снижения цен на нефть, что вынуждает Россию к установлению более тесных связей с БРИКС и другими региональными державами. Оптимистический прогноз связывается с ослаблением санкций, ростом цен на нефть и определенным восстановлением экономических связей России и ЕС. События последнего года свидетельствуют скорее в пользу пессимистического сценария, что заставляет читать рецензируемую книгу с особым вниманием.

2018: «Издержки и выгоды конфронтации»

Эта работа, как уже говорилось, сильно отличается от предыдущей. Здесь авторы не ставили себе задачу охарактеризовать политико-экономическую модель России и сосредоточились на самом механизме санкций и их последствиях. В главе «1. **Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации**» дается краткий обзор исследований, посвященных санкциям, характеризуются исторические корни санкционной политики, приводятся данные об издержках некоторых стран (сводная таблица дана по Кот-д’Ивуару, Ирану, Ираку, Либерии, Анголе, Зимбабве), против которых были введены санкции, с 1980 по 2018 г.

В разные периоды политика санкций имела различный эффект. Авторы (д.э.н., профессора Р. М. Нуреев, Е. Г. Бусыгин) отмечают:

«– если в период 1914–1944 гг. процент от общего числа введенных санкций, которые привели к успеху независимо от целей, был равен 50%, а в период с 1945 по 1969 г. – 33%, то в период с 1990 по 2000 г. только в 28,2% случаев удалось достигнуть запланированных результатов...;

– санкции, направленные на изменение политического курса стран, имели наиболее высокий процент успешности в период с 1990 по 2000 г. Число инициированных санкционных дел, которые закончились успехом, составили 52%, успешность санкций, направленных на ухудшение военного потенциала, – 33%, успешность санкций, направленных на смену политического режима, – 28%;

– целью наибольшего числа санкционных дел в период с 1990 по 2000 г. была смена политического режима и демократизация, общее количество таких дел в рассматриваемый период составило 32; следующая группа санкций – санкции, связанные с изменением политического курса или связанных с ним решений, – 25. Число дел, направленных на смену режима и демократизацию, выросло в 8 раз в сравнении с периодом с 1914 по 1944. Количество санкций, связанных с вмешательством в военные операции, снизилось в 3 раза» (Нуреев, 2018, с. 18).

Приведенные данные свидетельствуют скорее об эффективности санкций по отношению к «странам-мишеням». Собственно, авторы приходят к такому же выводу, рассматривая развитие Ирана и Ирака. Однако сразу же возникает вопрос о справедливости (легитимности) применяемых санкций. Логично, что он рассматривается в следующей главе «2. **Экономические санкции vs специальные экономические меры: правовой аспект**». Подробный юридический разбор действующего международного правового механизма приводит авторов к неоднозначному выводу. С одной стороны, «экономические санкции против России... не могут являться в полной мере правомерными. По-настоящему легитимными санкции могут быть лишь в том случае, если они введены Советом безопасности ООН!» (Нуреев, 2018, с. 40). С другой стороны, «следует признать, что возможность применения односторонних санкций сейчас для любого государства является необходимостью, вызываемой спецификой международных отношений. Тот факт, что в международном праве нет норм, которые прямо запрещали бы односторонние санкции, лишь подтверждает понимание необходимости этой возможности» (Нуреев, 2018, с. 41).

Естественно, что в таком случае Россия имеет право и на ответные специальные экономические меры. Авторы подробно разбирают отечественные законы, на основе которых базируются принимаемые «контрсанкции». Учитывая, что целью санкций богатых стран является изменение политического курса (а по большому счету – и территориальной целостности нашей страны), что угрожает суверенитету и Конституции, российское государство имеет право на ответные меры. Общий вывод: «несмотря на то что в основе всего лежат события на Украине, в Крыму, санкционное противостояние инициировано США и ЕС, ограничительные меры оппонентами были приняты в одностороннем порядке, что, хотя и, как мы установили, не противоречит нормам международного права, нарушает право ВТО, членами которой являются все участники рассматриваемых событий. Следовательно, Россия реализует право на самозащиту» (Нуреев, 2018, с. 69).

В параграфе «2.4. *Политика импортозамещения в России: тенденции и перспективы*» авторы приводят внушительный список планов мероприятий по импортозамещению для отдельных отраслей экономики. Здесь же справедливо – в рамках мейн-стрима – отмечено, «что снижение курса национальной валюты в период 2014–2015 гг. позволило сформировать потенциал для повышения конкурентоспособности отечественной продукции за счет уменьшения уровня издержек в сравнении с аналогичными импортными товарами» (Нуреев, 2018, с. 58). Надо отметить, что авторы дают осторожные оптимистические оценки, по сравнению с некоторыми другими исследователями. Скажем, В. С. Загашвили, представляющий позицию ИМЭМО РАН, указывает: «Долгосрочным задачам развития российской экономики соответствует не импортозамещение, а улучшение ее международной производственной специализации, в том числе на основе встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости... Реализации планов по импортозамещению препятствуют техническая отсталость многих отраслей российской промышленности, преобладание устаревшего оборудования, нехватка квалифицированных кадров. В короткий срок улучшить положение по этим ключевым параметрам невозможно» (Загашвили, 2016, с. 58).

Далее, в главах 4, 5–8 подробно анализируются последствия экономических санкций для нефтегазового сектора, оборонно-промышленного и агропромышленного комплексов, включая мясную промышленность¹.

Особняком в работе стоит глава «3. **Экономические санкции Запада и российские антисанкции: успех или провал?**». Здесь авторы (д.э.н., профессора Р. М. Ну-

¹ Следует отметить, что интересный анализ и прогноз рисков в нефтегазовом секторе, связанных с введением санкций, игнорирует последствия осуществленного правительством «налогового маневра», связанного со снижением налоговой нагрузки на экспорт нефтепродуктов. Часть аналитиков указывала еще в 2014 г., что такое снижение может привести к росту цены на бензин (Орлова, 2014, с. 61). Почему вместо 2015-го цены на бензин показали наибольший прирост в 2018 г. – отдельный вопрос.

реев, Е. Г. Бусыгин, К. В. Хаустова, к.э.н., доцент М. А. Екатериновская) используют аппарат межотраслевого баланса, выявляя не только взаимосвязи внутри российской экономики, но и оценивая импортную емкость различных отраслей. Общий вывод не очень утешителен: «Введение санкций, падение курса рубля, а также снижение цен на нефть негативно отразилось на экономике России, а сохранение сложившейся ситуации на международной арене может значительно затормозить ее развитие в будущем» (Нуреев, 2018, с. 73). Впрочем, и оценка секторальных санкций также не внушает оптимизма. По результатам анализа и сценарного прогнозирования, в ближайшее время необходимо предпринять срочные меры по импортозамещению оборудования для газо- и нефтедобычи, иначе падение производства в среднесрочной перспективе становится неизбежным. По АПК отмечается, что «замена импортной продукции отечественной через введение ограничительных мер может привести к росту производительности российских компаний за счет сокращения предложения на рынке, но это совсем не означает, что будет обеспечено развитие инноваций и технологий» (Нуреев, 2018, с. 195). Строго говоря, рост производительности без новой техники и технологий может быть только весьма ограниченным (интенсификация труда, изменение организации производства), но – опять-таки в среднесрочном периоде – можно согласиться с выводами авторов.

В целом данный труд авторского коллектива выглядит более нейтральным по отношению к экономической политике российских властей. Как уже говорилось, отмечается большая работа по импортозамещению. Однако авторы, указывая на неизбежные и объективные трудности «в среднесрочном периоде», неявно подводят читателя к выводу о необходимости роста государственной активности. Поэтому, несмотря на то что вторая работа выдержана в принципиально иной стилистике, она также представляет взгляд на санкции «слева», отстаивая необходимость усиления государственного регулирования. Хотя – и это принципиальное различие между двумя книгами – в работе 2018 г. нет призывов ни к усилению протекционизма, ни к выходу из ВТО, ни к «борьбе с коррумпированным чиновничеством».

Заключительные замечания

Вообще говоря, российские власти не ругают только ленивый. И это, по-видимому, является нормальным для любого экспертного сообщества. Представленные выше книги рекомендуются к внимательному прочтению, конечно, не из-за содержащихся в них критических оценок действий отечественных властей. Эти работы логично и подробно раскрывают аргументацию экономистов, которых принято относить к «левым». Можно предположить, что в условиях экономического роста в 1–2% в год эта аргументация будет все более востребована. Работы, вышедшие под редакцией известного и авторитетного российского экономиста Р. М. Нуреева, представляют собой в этом отношении прекрасный образец, а читатели, как мы предполагаем, сделают из чтения свои собственные выводы.

Здесь же хотелось бы отметить еще следующее.

Экономический рост в России резко замедлился еще в 2012–2013 гг., до присоединения Крыма и экономических санкций Запада, в условиях высоких цен на нефть. Причин замедления много. Из наиболее очевидных отметим опережение роста зарплаты и доходов населения над ростом производительности труда, которое имело место на протяжении 2005–2013 гг., а также снижение численности работников, выходящих на рынок труда, что связано с демографической «ямой» 1990-х гг. При этом количество входящих в пенсионный возраст работников существенно опережало вновь приступающих к активной экономической деятельности.

Рост зарплаты и доходов во многом был связан с активизацией борьбы с бедностью, начавшейся во время второго срока президентства В. Путина (2004–2007), которая впоследствии была дополнена злополучными майскими указами (2012). Стоит добавить также, что в это время реализовывались и национальные проекты в науке и об-

разовании (включая создание Сколково), в здравоохранении, в сельском хозяйстве... Поэтому нельзя сказать, что власти не слышат голоса левых политиков и экономистов.

Однако понадобилось почти 10 лет, чтобы в парламенте России стали обсуждать увеличение пенсионного возраста. В свою очередь, спад 2015–2016 гг. привел к опережающему падению реальной оплаты труда по сравнению с ВВП. Вследствие этого увеличилась отдача на 1 рубль оплаты труда, наша страна резко повысила свою конкурентоспособность.

Российские власти умеют повышать оплату труда и доходы, но задача в том, чтобы научиться управлять производительностью и обеспечивать рост эффективности национальной экономики. Эта проблема, включая изменение сырьевой экспортной ориентации, стоит перед Россией еще с 1970-х гг. Низкая производительность в экономике СССР привела к краху и крайне болезненным реформам 1990-х гг. На этом фоне спад 2015–2016 гг. представляется весьма щадящим терапевтическим средством, позволившим добиться, по крайней мере, частичного оздоровления экономики. Другими словами, если бы санкций не было, правительству стоило бы их придумать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гурвич, Е. Т., Прилепский, И. В. (2016). Влияние финансовых санкций на российскую экономику // *Вопросы экономики*, 1, 5–35.

Загашвили, В. С. (2016). Диверсификация российской экономики в условиях санкций // *Мировая экономика и международные отношения*, 60(6), с. 52–60.

Нуреев, Р. М. (Ред.) (2017). Экономические санкции против России: ожидания и реальность. М.: КНОРУС.

Нуреев, Р. М. (Ред.) (2018). Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации. М.: КНОРУС.

Орлова, Н. В. (2014). Финансовые санкции против России: влияние на экономику и экономическую политику // *Вопросы экономики*, 12, с. 54–66.

Спенс, М. (2013). Следующая конвергенция: будущее мира, живущего на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара.

Стиглиц, Дж. (2003). Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль.

Травин, Д., Гельман, В., Заостровцев, А. (2017). Российский путь. Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб.

Фукуяма, Ф. (2004). Конец истории и последний человек. М.: АСТ.

Ханна, П. (2010). Второй мир. М.: Европа.

Хантингтон, С. (2007). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Шарма, Р. (2018). Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире. М.: АСТ: CORPUS.

REFERENCES

Fukuyama, F. (2004). *The End of History and the Last Man*. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Gurvich, E. and Prilepsky, I. (2016). The impact of financial sanctions on the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*, 1, 5–35. (In Russian.)

Hanna, P. (2010). *The Second World*. Moscow: Europa Publ. (In Russian.)

Huntington, S. (2007). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Nureyev, R. M. (Ed.) (2017). *Economic Sanctions against Russia: Expectations and Reality*. Moscow: KNORUS Publ. (In Russian.)

Nureyev, R. M. (Ed.) (2018). *Economic Sanctions against Russia and Russian Anti-Sanctions: Goals and Results*. Moscow: KNORUS Publ. (In Russian.)

Orlova, N. (2014). Financial Sanctions: Consequences for Russia's Economy and Economic Policy. *Voprosy ekonomiki*, 12, 54–66. (In Russian.)

Sharma, R. (2018). *The Rise and Fall of Nations. Forces of Change in the Post-Crisis World*. Moscow: AST: CORPUS Publ. (In Russian.)

Spence, M. (2013). *The Next Convergence: The Future Of The World, Living At Different Speeds*. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute. (In Russian.)

Stiglitz, J. (2003). *Globalization: Disturbing Trends*. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)

Travin, D., Gelman, V. and Zaostrovsev, A. (2017). *The Russian way. Ideas, Interests, Institutions, Illusions*. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russian.)

Zagashvili, V. S. (2016). Diversification of russian economy under sanctions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 60(6), 52–60. (In Russian.)